

III.

Отчетъ объ археологическомъ изслѣдованіи Турфана и его окрестностей.

(Ноябрь 1902 г.—Февраль 1903 г.).

Достигнувъ города Турфана въ ноябрѣ 1902 г., экспедиція Королевскаго Берлинскаго Музея прежде всего остановилась надъ вопросомъ, съ чего начать работы. Рѣшить его было не легко при той массѣ развалинъ, которыя окружаютъ городъ вблизи и вдали. За 6 верстъ до города Турфана уже видѣлись развалины Яръ-хото или Яръ-найза; въ стоянкѣ нашей намъ сообщили о «храмѣ 1000 цвѣтовъ»; на сѣверъ отъ китайскаго города я замѣтилъ въ горахъ огромныя постройки, о которыхъ до сихъ поръ не упоминалось ни въ одномъ отчетѣ; далѣе, изъ отчета Д. А. Клеменца намъ извѣстно было, что непосредственно возлѣ деревни Караходжо (въ 30 вер. къ востоку отъ Турфана) расположены громадныя развалины города Дакіануса «Идикутшари», что на часъ пути сѣвернѣе у перевала Сенгимаузъ находятся пещерныя храмы, а въ двухъ часахъ пути дальше къ сѣверо-востоку въ горахъ насъ ожидаютъ храмы въ скалахъ Муртука и, наконецъ, что еще дальше къ востоку въ каждой рѣчной долинѣ (Тойокъ-су, Лемчинъ-су) можно встрѣтить интересныя развалины.

То обстоятельство, что Идикутшари является несомнѣннымъ центромъ всей культурной области и до сихъ поръ былъ менѣе всего изслѣдованъ, подсказало мнѣ рѣшеніе начать съ него, не взирая на возможную скудость добычи музейнаго матеріала и на опасеніе, что въ результатѣ моихъ трудовъ могутъ оказаться одни лишь планы развалинъ; чрезвычайно вѣскимъ однакожъ являлось то обстоятельство, что эти колоссальныя сооруженія безъ сомнѣнія служили центромъ, по отношенію къ которому всѣ храмы и пещеры въ горахъ были лишь послѣдующими развѣтвленіями. На востокъ отъ китайскаго Турфана возлѣ старой мечети, которая уже издали бросается въ глаза своимъ минаретомъ, лежатъ обширныя развалины города, окруженныя домами дунганъ; онѣ пришли въ такое разрушеніе, что только на значительной глубинѣ и при примененіи огромнаго труда можно было рассчитывать на какой нибудь успѣхъ при раскопкахъ, но, чтобы

скольконибудь ориентироваться въ этихъ горахъ мусора, необходимо было раньше изслѣдовать такіе пункты, которые лучше сохранились. Если бы даже раскопки въ Идикутшари не доставляли существенныхъ музейныхъ пріобрѣтеній, онѣ бы многому научили изслѣдователя, который потомъ могъ бы обратиться къ лучше сохранившимся остаткамъ храмовъ и пещеръ въ горахъ, гдѣ, по словамъ Д. И. Клеменца, добыча музейнаго матеріала была легкая и вѣрная. Если же археологическое изслѣдованіе началось бы съ пещеръ Сенгимауза, добытый матеріалъ, хотя и обильный, былъ бы лишенъ хронологической базы, такъ какъ главный вопросъ остался бы не выясненнымъ, а именно— каково отношеніе между развалинами «такъ называемаго» города и пещерами; ограничиться же одной только добычей музейнаго матеріала я не могъ и не хотѣлъ.

Впрочемъ, опасеніе остаться безъ музейнаго матеріала исчезло уже въ первый день нашего прибытія въ Караходжо: вечеромъ того же дня мѣстные жители натащили намъ массу матеріала, въ видѣ остатковъ фресокъ и литературныхъ памятниковъ — все предметы, по ихъ словамъ, происходящіе изъ городской черты. Пришлось взять ихъ, хотя съ археологической точки зрѣнія они не представляли цѣнности, разъ нельзя было установить ихъ достовѣрнаго происхожденія. Показанія мѣстныхъ жителей оказывались всѣ почти сплошь ложными, или потому, что они скрывали дѣйствительное мѣстонахожденіе ихъ, или потому, что они не сумѣли ориентироваться въ мѣстности. Многіе предметы были несомнѣнно найдены задолго до нашего прихода, но, на вопросъ объ ихъ происхожденія, указывалось мѣсто или особенно бросающееся въ глаза, или совсѣмъ отдаленное. Приходилось выяснять вопросъ самимъ, по возможности, независимо отъ проводниковъ.

При первомъ посѣщеніи развалинъ, получалось впечатлѣніе ужаснаго разрушенія, но скоро я сталъ выяснять себѣ все съ возрастающимъ изумленіемъ картину того, что можетъ скрываться здѣсь подъ этими горами мусора. Всюду валялись цоколя буддъ и бодисатвъ, разбросанные и разбитые при вывозѣ мусора. Глазъ, постепенно приспособляясь въ этой картинѣ разрушенія, сталъ открывать нетронутыя мѣста. Когда я вечеромъ ходилъ по развалинамъ, косые лучи заходящаго солнца освѣтили на стѣнахъ, гдѣ днемъ казалась голая поверхность, выцвѣтшія изображенія, нѣкогда украшавшія ихъ; скры-

тые при дневномъ свѣтѣ, цѣлые ряды священныхъ изображеній буддъ и бодисатвъ, окруженныхъ сіяніемъ, выступили теперь на слоѣ штукатурки; безвозвратно погибшіе сами, они все таки служили вѣхами на нашемъ пути: тамъ, гдѣ кучи мусора, возвышались, закрывали стѣны, слѣдовало копать, и, дѣйствительно, мнѣ удалось найти еще уцѣлѣвшія изображенія. При этомъ я изучилъ конструкцію храмовъ, нашелъ въ мусорѣ наружныя стѣны зданій, верхнія части которыхъ развалились, сдвиги стѣнъ и обрушившіяся крыши; научился распознавать конструкцію крыши и постепенно выяснялъ, въ какихъ мѣстахъ можно было надѣяться что нибудь найти.

Скоро мнѣ стало ясно, что всѣ постройки внутри городской стѣны, за исключеніемъ высокихъ башенъ, служили для религиозныхъ цѣлей, что Идикутшари, т. е. часть его, лежавшая внутри городской стѣны, была городъ—монастырь, собственно же городъ и базары лежали за стѣной.

Далѣе я замѣтилъ, что отдѣльныя развалины еще въ позднѣйшую эпоху были обятаемы и что въ сѣверо-восточномъ углу, можетъ быть, какихъ-нибудь три поколѣнія тому назадъ находилось китайское кладбище.

Чтобы выяснитъ себѣ типы построекъ, я принялся обходить стѣны, вымѣрять ихъ, прослѣживать развалины вплоть до горъ мусору включительно. Составленные такимъ образомъ планы показали, что въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ, по требованіямъ симметріи, должны находиться засыпанныя помѣщенія, и я дѣйствительно нашелъ засыпанные ходы, комнаты, лѣстницы и входы.

При посѣщеніяхъ Тойок-мазара, Сенгимауза и Муртука я убѣдился, что и тамъ постройки носятъ тотъ же характеръ, какъ въ такъ называемомъ городѣ, и, что меня особенно восхитило,—это тождественность стили въ нѣкоторыхъ зданіяхъ; изображенія изъ Идикутшари по стилю повторялись въ Тойок-мазарѣ, Сенгимаузѣ и Муртукѣ. Одна только верхняя группа пещеръ въ Тойок-мазарѣ на восточномъ берегу Тойокъ-су выдѣляется тѣмъ, что, какъ въ главной залѣ, такъ и въ маленькихъ кельяхъ, соединенныхъ съ ней ходами, всюду встрѣчаются изображенія отшельниковъ; это интересный фактъ, находящійся, быть можетъ, въ связи съ легендой о «семи спящихъ отрокахъ», локализованной въ Тойок-мазарѣ.

Такимъ образомъ мнѣ не пришлось раскапывать въ томъ, что я придавалъ такое значеніе Идикутшари. При измѣреніяхъ и раскопкахъ обнаружались и другіе поразительные факты: я нашелъ наложенными одинъ на другой тройные ряды штукатурки, съ фресками въ каждомъ, при чемъ для укрѣпленія новаго слоя каждый разъ въ старомъ дѣлалась кайлой насѣчки; въ одномъ мѣстѣ, а именно — въ томъ зданіи, гдѣ и при вечернемъ освѣщеніи открылъ упомянутыя выцвѣтшія изображенія, я нашелъ въ сырцевыхъ кирпичачъ остатки старыхъ фресокъ, которыя вмѣстѣ съ глиной пошли на выдѣлку новыхъ кирпичей. Я нашелъ далѣе стѣны, вновь пристроенныя и непосредственно примыкавшія къ старымъ фрескамъ, реставрацію старыхъ попортившихся или намѣренно изуродованныхъ изображеній и, наконецъ, совершенно новыя постройки на старыхъ развалинахъ.

Въ юговосточной части «города» находится очень высокая развалина съ фасадомъ, украшеннымъ пилонами; теперь онъ почти закрытъ цѣлой грудой развалившихся сырцевыхъ кирпичей и, вѣроятно, давно уже находится въ такомъ состояніи. Въ этой развалинѣ находится нѣсколько засыпанныхъ мусоромъ, въ настоящее время до нѣкоторой степени уже подземныхъ помѣщеній, которыя до моего прибытія были совершенно скрыты подъ позднѣйшей надстройкой, нѣкогда роскошной, нынѣ уже разрушенной. Уже и новѣйшей надстройкой этого древняго, нѣкогда грандіознаго зданія, въ послѣдній періодъ процвѣтанія буддизма, повидимому, пользовались, какъ горой, и въ обвалахъ разрушившихся стѣнъ пробили пещеры, украшенныя лѣпною работою и богато расписанныя.

При дальнѣйшемъ наблюденіи, въ лучше сохранившихся развалинахъ оказались находки явно ламайскаго происхожденія, которыя могли бы ввести въ заблужденіе, если бы не громадная разница въ стилѣ, являвшаяся предостереженіемъ для опытнаго глаза. Куски ламайскихъ рельефныхъ пластинокъ изъ терракотты, отчасти объекты, вполне тождественные съ тѣми, которые получены Берлинскимъ Музеемъ изъ Ладака, — свитки съ заклинаніями (Dhâraṇi) и т. п. — попадались въ развалинахъ храмовъ безсомнѣнно очень древняго типа. Очевидно, всѣ эти предметы были занесены странствующими монгольскими ламами, подобно тому, какъ въ извѣстныхъ пещерахъ Сенгимауза имя же начертаны на стѣнахъ «*oṃ maṇi padme hūm*» и

другія надписи тибетскимъ и монгольскимъ шрифтомъ, которыя часто такъ перепорчены упражненіями въ письмѣ и начотней мусульманскаго періода. Въ пещерахъ аскетовъ въ Тойок-мазарѣ встрѣчается много надписей, напаранныхъ древне-тюркскими письменами, и разъ только я видѣлъ эти письмена въ большой развалинѣ монастыря въ юговосточномъ углу Идикутшари.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что каждый большой храмъ въ Идикутшари имѣетъ собственную исторію и что здѣсь одно наслоеніе лежитъ на другомъ; представителями же отдѣльныхъ періодовъ являются пещеры въ горахъ. Много бурь очевидно пронеслось надъ развалинами; то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ перестраивали, надстраивали, строили вновь. Замѣчательны попытки грабсжа — если не ошибаюсь — въ отдѣльныхъ высоко лежащихъ развалинахъ, съ которыхъ открывался широкой кругозоръ: въ нихъ оказались набросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ цѣлыя груды разорванныхъ рукописей на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, изодранныя картинны и флаги, а надъ всѣмъ этимъ обрушившаяся крыша. Въ другомъ мѣстѣ найденный благодаря измѣреніямъ круговой ходъ, засыпанный на одномъ уровнѣ съ остатками стѣнъ, привелъ меня къ углу, гдѣ я нашелъ подъ слоемъ мусора, въ футъ высотой, ппрямуду изъ 28 глинянныхъ гонловъ, отбитыхъ, повидному, отъ красивыхъ статуй бодисатвъ.

Выше я упоминалъ о позднѣйшихъ надписяхъ и «graffiti». Образцомъ такъ называемаго монументальнаго письменнаго матеріала оказалась найденная поселянами Караходжо при вывозѣ мусора большая старая китайская надпись на камнѣ; вторая, къ ней повидному относившаяся таблица храма была потеряна; за исключеніемъ этой, другихъ надписей, высѣченныхъ на камнѣ, не оказалось, зато надписей въ краскахъ встрѣчалось множество: въ Идикутшари, Сенгимаузѣ и Муртукѣ письменами Веберовскихъ рукописей (такъ называемыми Брахми) и уйгурскими (впослѣдствіи монгольскими); встрѣчаются и китайскія надписи.

Для одной изъ школъ живописи типична та особенность, что надписи Брахми были сначала написаны на бумагѣ, а потомъ наклеены на стѣнѣ. Въ рукописяхъ встрѣчаются слѣдующія письмена:

Брахми Веберовскихъ рукописей двоякаго типа: правильнаго, написаннаго индійскимъ способомъ, и болѣе курсивнаго, который на кси-

лограмми — безъ уйгурскаго — изображенъ почти по образцу китайскаго письма — съ большими промежутками между отдѣльными слогами (аксага). Брахми изображены тексты на санскритскомъ и несомнѣнно еще на одномъ недешифрированномъ языкѣ.

Уйгурскія (впослѣдствіи монгольскія), — на уйгурскомъ языкѣ. Часто попадаются отрывки уйгурскіе съ параллельно стоящимъ Брахми; тогда тѣ и другія письма заключаютъ въ себѣ санскритскія заклинанія (dhâraṇī) въ ксялограммѣ.

Китайскія — многочисленныя большіе или меньшіе отрывки буддійскихъ сутръ.

Древне-тюркскія — нѣсколько листовъ.

Тибетскія — рѣдко.

Ланджа — рѣдко (ксялограмма, санскритъ).

P'ags-na — рѣдко (ксялограмма).

Si-fan — рѣдко (ксялограмма).

Сирійскія — своеобразныя отрывки письменныхъ памятниковъ, изъ которыхъ многіе были намъ принесены и мѣстонахожденіе которыхъ я могъ точно установить, такъ какъ самъ откопалъ большіе листы. Д-ромъ Ф. В. К. Мюллеромъ они опредѣлены, какъ остатки манихейской письменности на средне-персидскомъ и уйгурскомъ языкахъ; при нихъ есть листъ съ несторіанскими письменами¹⁾.

Арабскія — нѣсколько, происхожденія которыхъ я не могъ опредѣлить, и, наконецъ, въ одномъ мѣстѣ я нашелъ незначительныя остатки рукописи на берестѣ, а въ другой развалилѣ, съ колоссомъ Нирваны, такіе же остатки индійской рукописи на пальмовомъ листѣ, гдѣ можно было разобрать нѣсколько санскритскихъ словъ, напр., pinḍarâtra. Мѣстонахожденіе фресокъ, головъ и т. п. предметовъ, которые намъ приносили въ первое время, я почти всегда могъ установить при моихъ послѣдующихъ изысканіяхъ. Что касается подробностей, отсылаю къ моему археологическому отчету со многими планами, который долженъ появиться въ скоромъ времени.

Съ наступленіемъ весны турфанлыки начали спускать воду въ оросительные каналы, прорѣзывающіе «городъ», и на поля, лежація

1) См. статьи гг. Мюллера, Пишеля и Стеннера, въ «Sitzungsberichte d. K. preuss. Akad. d. Wiss.» за 1904 г. Послѣдній дешифровалъ и тюркскія слова, написанныя Брахми.

между развалинами за оградой, что чрезвычайно затрудняло работы въ городѣ; одновременно же они принялись за свой разрушительный вывозъ мусора; храмы, которые я измѣрялъ въ декабрѣ, стали неузнаваемы къ концу февраля; цѣлыя стѣны были снесены, открыты новые ходы, штукатурка отбита и вывезена на поля.

Тогда я перенесъ свои измѣрительныя и съемочныя работы въ Сепгимаузъ. Начиная съ № 1 и 2, по счету Д. А. Клеменца, передъ Сепгимаузомъ, я пошелъ вверхъ по долинѣ рѣки, все снимая и измѣряя. Тутъ я могъ оцѣнить пользу подготовительныхъ работъ въ Идикутшари, потому что всюду встрѣчалось все знакомое уже, взаимно пояснявшее другъ друга. Такимъ образомъ я дошелъ до Муртука, не успѣвъ все таки выполнить всего, чѣмъ задался, такъ какъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше работа принимала исключительно рекогносцировочный характеръ, вызванный необходимостью пріобрѣсти прочную базу для дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій, чрезвычайно плодотворныхъ въ этой мѣстности.

Въ заключеніе считаю долгомъ упомянуть о слѣдующемъ. Когда мы вернулись въ началѣ марта въ Турфанъ, я еще разъ посѣтилъ пещерные храмы, лежащіе къ сѣверу отъ китайскаго города. Тамъ есть нѣсколько маленькихъ долинъ съ источниками; онѣ начинаются за тюркскимъ городомъ и тянутся рядами къ востоку въ направленіи китайскаго города. Въ нихъ много отдѣльныхъ построекъ, маленькихъ храмовъ и пещеръ съ красивыми фресками. Одна изъ этихъ удивительныхъ пещеръ содержитъ въ своей передней залѣ изображенія 84 махасиддхъ (волхвовъ), съ монгольскими надписями на особыхъ маленькихъ дощечкахъ возлѣ каждой фигуры. Сѣверная и южная стѣна залы раздѣлена на 4 полосы, изъ которыхъ каждая въ свою очередь дѣлится на 11 полей (34 сант. высоты и 40 сант. ширины) съ изображеніемъ волхва на каждомъ полѣ, но такъ какъ такимъ образомъ получается 88 полей, то въ нижнемъ ряду на обѣихъ стѣнахъ лишнія поля заполнены изображеніями монаха, держащаго жезлъ (kakkhaga). Въ камерѣ, лежащей за этой залой, сохранился еще цоколь отъ статуи Будды, а плафонъ украшенъ изображеніемъ Вишваваджры (sNatshogs rdo-rje).

Въ сосѣдней долинѣ, на холмѣ, замыкающемъ ее съ запада, стоитъ маленькій храмъ съ фресками Будды; среди святыхъ есть Кродхъ-

чала и Манджушрия, безусловно ламайского типа; на одной изъ фресокъ даже изображенъ лама въ высокой шапкѣ желтовато-краснаго, къ сожалѣнію, поблекшаго цвѣта. Я такъ подробно остановился на этомъ, потому что интересно самое существованіе здѣсь ламайскихъ пещеръ. Нѣчто подобное, но, во всякомъ случаѣ, менѣе определенное, я замѣтилъ уже въ Тойок-мазарѣ. Въ самой сѣверной развалинѣ, въ группѣ отвѣсныхъ храмовъ на западъ отъ Тойок-су имѣется нѣчто вродѣ двора, гдѣ находятся изображенія выступающихъ дхарманала (безъ шакти), которыя по стилю совершенно отличались отъ прочихъ и сейчасъ напомнили мнѣ изображенія ламайскія. И здѣсь около Турфана есть старыя изображенія, нѣкоторыя даже съ остатками надписей Брахми и вцарапанныхъ древне-тюркскихъ письменъ. Я надѣюсь, что подробное изученіе найденныхъ нами рукописей выяснитъ многое, а пока воздерживаюсь отъ всякихъ гипотезъ: я рассказываю только то, что видѣлъ.

Альбертъ Грюнведель.

Напечатано по распоряженію Русскаго Комитета для изученія Средней
и Восточной Азіи.

Предсѣдатель В. Радловъ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.